

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 338.24:316.3(47+57)(091)

doi 10.17072/2219-3111-2023-4-49-60

Ссылка для цитирования: *Сметанин А. В., Кимерлинг А. С.* Антропологическое измерение позднесоветской экономики: директор, плановик, работник в этнографических исследованиях 1950–1980-х годов // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4(63). С. 49–60.

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
ЭКОНОМИКИ: ДИРЕКТОР, ПЛАНОВИК, РАБОТНИК
В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 1950–1980-Х ГОДОВ¹*****А. В. Сметанин***

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

smetanin.av@gmail.com

SPIN-код: 6021-8040

ResearcherID: JQI-0860-2023

А. С. Кимерлинг

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 614070, Россия, Пермь, Студенческая, 38

akimerling@hse.ru

SPIN-код: 2793-2113

ResearcherID: M-2389-2015

Авторы статьи полагают, что антропологическое осмысление советской экономики началось еще в период ее существования, происходило это в рамках разных наук: этнографии, социологии. Вопрос о соотношении советской этнографии и экономической антропологии является дискуссионным. Есть основания утверждать, что и в самой советской науке не существовало консенсуса на данный счет. Советская этнографическая наука не ассоциировала себя с западной антропологией по идеологическим и методологическим причинам, также происходило сознательное дистанцирование от академической экономики, что затрудняло формирование экономической антропологии в современном понимании. Вместе с тем этнографам 1950–1980-х гг. удалось раскрыть ряд важных вопросов, например, многоукладность советской экономики и функционирование архаичных производственных практик и отношений внутри планового хозяйства, также большое внимание было уделено потребительскому поведению граждан в разных уголках страны и изменениям в быту, еще одним объектом внимания являлись коллективные ценности, которые, по мысли этнографов, должны были крепнуть по мере продвижения к коммунизму. Исследования освещали многообразие хозяйственных практик, но сложность их изучения была связана с тем, что в советской действительности не сложился язык для описания стратегий и тактик экономического поведения, вместо этого люди использовали эвфемизмы, адаптировали идеологемы, фигуры умолчания, касающиеся не совсем законных практик производства и потребления. В силу особенности предмета советской этнографии практически не освещенными оказались важные для экономической антропологии вопросы планирования, мотивации, обмена, восприятия экономической реальности и неформальных отношений, также наблюдался гигантский перекоп в сторону сельских жителей и архаики.

Ключевые слова: экономическая антропология, этнография, советская наука, экономика СССР, культурная детерминанта хозяйственной деятельности, смыслы.

Интерес к антропологическим трактовкам советской экономики в настоящее время достаточно высок, посредством человеческого фактора делаются попытки объяснить аномалии и ограничения позднесоветского планового хозяйства. Как правило, такие исследования строятся либо на корпусах архивных документов, либо на серии интервью с непосредственными участ-

никами принятия важных экономических решений. Еще один значимый источник для изучения экономики 1950–1980-х гг. – это материалы полевых исследований советского времени, но он встречается в исследованиях нечасто. Важно понять, в каких формах существовала и развивалась экономическая антропология в советских исследовательских проектах.

Прежде всего требует прояснения сам термин «экономическая антропология». В данной статье термин трактуется следующим образом: это описание некой суммы практик, реализуемых людьми в экономической жизни в соответствии с их ценностными ориентациями, представлениями и принятыми в сообществе нормами. Таким образом, экономическая антропология делает акцент на смысловое наполнение практик. Исследование экономической антропологии предполагает, с одной стороны, реконструкцию хозяйственных практик отдельных индивидов или разного рода сообществ, с другой – культурную детерминанту хозяйственной деятельности (производства, потребления, распределения и др.).

Исходя из методологического принципа, предложенного М. Фуко, при исследовании современной экономической антропологии следует начинать с изучения советских хозяйственных практик людей, взятых в совокупности с их образами действительности, принятыми идеологическими положениями, существующими жизненными мирами. Ситуация в советской общественной науке сложилась к 1970-м гг. так, что привела к тому, что современная экономическая антропология изучалась в рамках смежных наук, прежде всего различными отраслями социологии – социологией труда, социологией потребления, социологией города и деревни [Ядов, 2003; Коган, 1980; Зборовский, 2008; Заславская, 2007; Шкаратан, 1978; Козлова, Файнбург, 1963].

Изучение экономической антропологии становится возможным в работах культурных антропологов, для которых существует строгий методологический подход, предполагающий, что исследование экономики, «эмпирическое и натуралистическое в основе» [Carrier, 2005, p. 2–3], требует полевых исследований и «насыщенных» описаний. Существуют и другие определения, ставящие во главу не метод работы, а предмет исследования, причисляющие к экономической антропологии любые работы, где анализируется «соотношение действия, социальных институтов и системы ценностей» [Шрадер, 1999, с. 12]. П. Бурдьё полагает экономической антропологией любую попытку разобраться в мотивах принятия экономических решений [Бурдьё, 2019, с. 14–16], не сводя это направление исключительно к антропологической науке.

Еще одним методологическим основанием экономической антропологии может служить объяснительный принцип Питера Ласлетта, который предполагает поиск множественности причин любого поступка (принцип ризомы), что образно можно представить в виде грибницы, при этом факторы необходимо искать в ближайшей исторической перспективе. Так, жизнь одного поселения в Средней Азии с конца XIX в. и до распада Советского Союза представлена в историко-социологических исследованиях С. Абашина. Анализируя материалы о советском кишлаке, он с помощью теорий постколониализма, культурной гибридности, советской субъективности находит объяснения и закономерности в хлопковой экономике, общине-махалле и брачных стратегиях [Абашин, 2015].

Авторы настоящей статьи подразумевают под экономической антропологией изучение смыслов, которые люди вкладывают в экономические действия. Такой ракурс позволяет рассматривать с антропологической позиции исследования представителей разных наук, например, проект экономиста Д. Берлинера, где на материалах интервью с эмигрантами раскрываются понимание экономики и мышление советских директоров 1930–1940-х гг. [Berliner, 1957]. Столь же антропологичны объяснительные схемы в работах венгерского экономиста Я. Корнаи, выведившего всеобщий дефицит в плановых экономиках из образа мышления производственников и бюрократов [Kornai, 1980]. Примечательно, что Я. Корнаи сам участвовал в составлении планов для венгерской промышленности и его исследование отчасти можно назвать полевым.

Западная антропология в позднесоветский период отметилась лишь одним экономико-антропологическим полевым исследованием советской системы. Британка К. Хамфри, по студенческому обмену попавшая в СССР, получила допуск к изучению культуры бурят в 1967 и 1975 гг. В итоге она собрала и обобщила богатый материал о функционировании советских

колхозов и роли человека в этой производственной системе [Humphrey, 1983], выявив феномен статусных групп и сетей распределения ресурсов.

Логичным является обращение к наследию советской этнографии, тем более что полевые материалы этнографических экспедиций до сих пор не используются исследователями экономики СССР. Прежде чем перейти к систематизации наследия этнографов, необходимо понять, ставила ли вообще советская этнография перед собой цели изучения и осмысления экономических практик советских граждан. Вопрос о соотношении советской этнографии и экономической антропологии является дискуссионным. Есть основания утверждать, что и в самой советской науке не существовало консенсуса на данный счет.

К социальной или культурной антропологии отношение советской науки было неоднозначным. Одни исследователи признавали ее полным аналогом этнографии, хотя и подчеркивали ангажированность социальной антропологии колониальным мышлением [Григулевич, 1975, с. 37–50]. Другие исследователи, включая Ю. Бромлея, считали, что этнография «существенно отличается» от культурной или социальной антропологии, поскольку последняя не сосредоточена на этносе как объекте изучения [Бромлей, Крюков, 1987, с. 49]. О существовании «экономической антропологии» советские авторы также были осведомлены, но воспринимали ее в 1970-е гг. как «научную дисциплину, которая исследует экономические отношения первобытного, протоклассового [...], а также “крестьянского” обществ» [Семенов, 1974, с. 168], что было недалеко от истины в тот период.

На наш взгляд, наиболее серьезной преградой для формирования экономической антропологии в рамках советской этнографии являлись сложные отношения с экономической наукой. Во-первых, этнография мыслила себя наукой об истории и культуре и сознательно дистанцировалась от многих современных процессов. Упреки в слабом внимании к современности сопровождали этнографию вплоть до распада СССР. В 1963 г. в журнале «Коммунист» (печатный орган ЦК КПСС) появился критический обзор содержания журнала «Советская этнография». В частности, журнал упрекался в том, что он «не столько показывает рабочий быт, сколько отыскивает в нем сходство с крестьянским» [Арциховский и др., 1963, с. 125], и в целом отмечалось слабое внимание к современной жизни. В 1983 г. на пленуме ЦК КПСС общественные науки были подвергнуты Ю. В. Андроповым критике за отрыв от реальных задач строительства социализма [Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 1983, с. 6, 19, 32–33], что вызвало резонанс в этнографических кругах, на короткое время они увеличили выпуск статей и монографий о современном рабочем классе.

Во-вторых, этнографы старались не посягать на идеологизированную сферу производственных отношений. Так, в 1955 г. выход коллективной монографии «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства» был встречен разгромной критикой со стороны экономистов. Помимо слабого знания колхозного хозяйства, книга обвинялась в том, что «пропагандирует вредные антимеханизаторские идеи», идеализирует отсталую агротехнику [Джаббаров, 1955, с. 162–163]. Автор другой монографии о колхозе признавалась, что характеристика хозяйства – задача для неспециалиста «трудная, а подчас непосильная» [Сухарева, 1955, с. 35]. В каком-то смысле это было проявлением «ведомственности» в науке, каждая научная дисциплина старалась держаться своего традиционного исследовательского поля.

Граница с экономической наукой активнее всего дискутировалась в 1970–1980-е гг. С. А. Токарев полагал, что роль этнографа в исследовании современной экономики сводится к трем задачам: 1) выявить роль этнических факторов при переходе к индустриальному укладу; 2) оценить влияние индустриальных процессов на этнические признаки; 3) определить этническую специфику унифицированных процессов и предметов [Токарев, 1975, с. 137]. Схожим образом А. И. Першиц предлагал этнографам исследовать не сами экономические отношения, а «как эти отношения влияют на этнические процессы и смену исторических типов этнических общностей», поскольку, по мысли автора, в современности этнографа должна интересовать преимущественно «традиционно-бытовая» сторона [Першиц, 1983, с. 60]. Такое понимание было закреплено в «Своде этнографических понятий и терминов» под редакцией А. И. Першица, например, в понятиях «потребление» и «производство» [Свод этнографических понятий, 1986].

В начале 1970-х гг. шла достаточно вялая дискуссия о соотношении понятий «этническая общность» и «экономическая общность». С одной стороны, В. И. Козлов утверждал, что теснота экономических связей не является признаком этнической общности, включая нацию, поскольку экономические и этнические общности выделяются на отличных друг от друга основаниях [Козлов, 1970, с. 59–60]. С другой стороны, формальный «руководитель» советской этнографии того времени Ю. В. Бромлей придерживался иной точки зрения: он исходил из установок формационной теории о первичности классовых отношений, как следствие, этническое самосознание в его интерпретации являлось зависимым от системы производственных отношений [Бромлей, 1972, с. 88–89]. Нужно отметить, что Ю. В. Бромлей был историком, и схемы классового подхода в его взглядах проявлялись гораздо глубже, чем у большинства этнографов.

В перестроечных 1985–1986 гг. на страницах «Советской этнографии» развернулась большая дискуссия о том, является ли производственный коллектив объектом изучения этнографа. Начало положила статья М. Н. Шмелевой, где утверждалось, что трудовой коллектив является важным объектом полевого исследования [Шмелева, 1985, с. 45]. В ходе обсуждения ряд этнографов высказал сомнения в целесообразности «производственного подхода». Так, уже упоминавшийся В. И. Козлов полагал, что, в отличие от экономистов и социологов, этнографы «призваны концентрировать внимание не на «производственном и общественном», а главным образом на домашнем быте» [Обсуждение статей М.Н. Шмелевой, С.И. Вайнштейна..., 1985а, с. 72], причем автор напрямую указывал, что быт, как правило, мало связан с производственными отношениями. Другими исследователями также высказывалось мнение, что более универсальным для этнографа является «семейный подход» [Обсуждение статей М.Н. Шмелевой, С.И. Вайнштейна..., 1985b, с. 69]. В итоге М. Н. Шмелёва признала, что этнограф не занимается вопросами «производства, экономики, трудовых процессов», однако отметила, что «производственный коллектив – одна из наиболее существенных в настоящее время контактных групп населения со своими общественными традициями и развитым общественным мнением, охраняющим их» [Шмелева, 1986, с. 59]. Таким образом, вопрос о роли этнографов в изучении экономики остался открытым до самого конца существования советского хозяйства.

Можно сказать, что непреодолимый водораздел между этнографией и экономикой был запрограммирован. Стоит согласиться, с В. И. Козловым, который в 1989 г. связывал слабое развитие исследований на стыке этнографии и экономики с «утверждением в экономике анти-этнографической, а в этнографии – антиэкономической ... парадигмы» [Там же, с. 162], подразумевая, что индустриальный уклад унифицирует поведение людей, стирает этническую специфику, а этнограф, наоборот, нацелен искать следы культурного своеобразия.

Таким образом, советская этнография не определила свою роль в исследовании современных экономических отношений и достаточно неохотно занималась изучением этой проблематики. Как следствие, формирование чего-то схожего с экономической антропологией в СССР было затруднено.

Взаимодействие с другими науками в исследовании экономики также у этнографии было слабо. Вопрос о том, что этнографические и «конкретно-социологические» исследования часто неразличимы, используют одинаковые методы, идейные установки и совпадают по предмету исследования, ставился уже в конце 1960-х гг. [Токарев, 1975, с. 141]. При этом тесного сотрудничества двух наук не наблюдалось. Н. В. Юхнева в 1974 г. отмечала, что в исследовании рабочего класса историки и этнографы практически не коммуницируют, при этом, по мнению автора, в некоторых вопросах интересы наук соприкасаются напрямую, в частности, «сознательность, политическая зрелость, культурное развитие, психический склад, морально-нравственные черты» [Юхнева, 1974, с. 156].

Далее приводится обзор ключевых тем, где советская этнографическая наука напрямую соприкоснулась с экономической антропологией. Мы попытаемся выявить вклад исследователей 1950–1980-х гг. в изучение человеческого лица экономики СССР.

Безусловным лейтмотивом для этнографов в любое десятилетие являлось исследование традиционного экономического уклада этнических групп. О повышенном внимании к архаичному, а также о периодической критике такого подхода к исследованию современного обще-

ства уже говорилось ранее. Как следствие, основным исследовательским полем для ученых стала деревня и ее колхозная организация.

Официально признавалось, что до 1950-х гг. работы о современности носили описательный характер [Бромлей, 1983, с. 11]. Этапным произведением в этнографическом изучении советской деревни считается коллективная монография «Село Вирятино в прошлом и настоящем», изданная в 1958 г. под редакцией П. И. Кушнера [Село Вирятино..., 1958]. Изучение отдельно взятого колхоза или селения имело место и ранее, однако предшествующие монографии имели более описательный характер в отношении экономики [Сухарева, Бикжанова, 1955]. Наиболее интересны в книге наблюдения, связанные с неудачами колхозного хозяйства. Например, посевы картофеля сознательно не расширились и занимали худшие земли в колхозе, поскольку картофель выращивался в больших количествах на приусадебных участках и колхозники не хотели своими руками усиливать конкуренцию на рынке [Село Вирятино..., 1958, с. 142]. Столь же интересно, что выдача авансов оказалась мощным психологическим фактором, укрепляющим доверие работников к колхозу. Кроме того, был описан интересный феномен полурабочих (семьи, часть которых уже на производстве, а другая часть в колхозе) и отходников [Там же, с. 172–173]. Такое же явление наблюдали исследователи киргизских шахтеров, когда на шахтах складывались землячества, повязанные родством и частыми личными контактами с малой родиной, вплоть до того, что у шахтеров и их родственников-колхозников мог быть общий скот [Абрамзон, 1954, с. 74]. Аналогичная картина сохранения племенных групп отмечена на туркменских нефтепромыслах [Аннаклычев, 1959, с. 67–68]. К сожалению, авторы не раскрыли, как это влияло на производственную деятельность. Причем как в Киргизии, так и в Туркменистане новоявленные рабочие предпочитали селиться не в городских квартирах, а в домах на окраинах поселков, где воспроизводили традиционный быт.

В целом монография о селе Вирятино осталась в рамках описательного подхода, обобщения достаточно редки. Человек с его идеями, желаниями, страхами, привычками появляется на страницах издания достаточно редко. На выходе рисуется картина хозяйства, стремящегося к автаркии: собственная лесопилка, кирпичное производство, мастерские и т.д. Причем авторы расценивают это как положительное явление, что с точки зрения экономики и разделения труда, очевидно, не так. Такие же автаркичные колхозы наблюдались на Чукотке [Вдовин, 1963, с. 40], что позволяет уже нам сделать вывод о некоторых общих процессах развития колхозного хозяйства и мышления их руководителей. Колхозные сообщества стремились к экономической независимости, самообеспечению, чтобы не зависеть от перебоев снабжения и иметь ресурсы для решения чрезвычайных проблем.

На примере работы одной бригады те же авторы показывают, что индивидуализация труда оказывается эффективнее коллективных форм, которые связываются с «обезличкой» [Село Вирятино..., 1958, с. 151–152]. Обследовав бюджеты колхозников, этнографы пришли к тем же выводам, что и А. Чайнов в 1920-е гг. (конечно, не называя его) о важности соотношения работников и иждивенцев в домашнем хозяйстве [Там же, с. 164]. Интерес представляют бюджетные обследования, в частности, распределение средств внутри домохозяйства, деление на общесемейные и личные финансы, приоритет инвестирования средств на детские нужды [Там же, с. 167–168, 170]. При этом нельзя забывать, что исследования 1950–1960-х гг. велись в образцовых колхозах-миллионерах, предполагалось, что в них черты социалистического быта должны проявляться ярче всего.

На материалах колхозов Калининской области в начале 1960-х гг. другая группа исследователей пришла к выводу, что крестьяне стали «мыслить экономическими выкладками» [Анохина, Шмелева, 1962, с. 25], подразумевая, что любое важное решение правления колхоза предварительно обсуждалось сельским активом. К сожалению, в статье приводится мало эмпирических примеров такого мышления. Впрочем, интересен вывод, что в колхозах Калининской области кооперация труда привела к расширению социальных сетей крестьян. Например, на семейные праздники стали приглашаться не только родственники, но и друзья [Там же, с. 28], при этом именно данные сетевые структуры, по наблюдениям этнографов, являлись оплотом консервативных взглядов, в частности о разделении мужских и «немужских» видов деятельно-

сти [Там же]. Среди шахтеров-казахов в Караганде было отмечено, что главой семьи и распорядителем семейной кассы является старейшина, часто пенсионер, он же решает, кому из молодых членов семьи какую профессию осваивать [Морозова, 1962, с. 26].

Этнографы также дали ответ на вопрос, в какой степени колхозная организация хозяйства изменила производственный быт народов с традиционным укладом. Так, исследования народов Таймыра выявили, что процесс трудовой социализации подростков, который ранее был делом чисто семейным, стал направляться общим собранием колхоза [Стракач, 1962, с. 44–46]. Молодых людей направляли к тому или иному «воспитателю» для овладения мастерством оленевода, эта же практика приводила к более узкой специализации молодых работников, чем было при традиционном укладе. При этом в работах нередко шло противопоставление нового социалистического способа хозяйствования, более рационального и человеколюбивого, и традиционных, отсталых, неэффективных, тяжелых практик. Примером могут служить материалы наблюдения в таджикском колхозе, где пережитки патриархальных культурных устоев основываются на экономических ролях колхозников, внедрение же новых способов разведения скота стимулирует уравнивательные тенденции [Розенфельд, 1963, с. 118–122].

В. Мёйрс полагает, что обращение к тематике колхозов и индустриальных городов в советской этнографии носило конъюнктурный характер с целью показать успехи социалистического развития [Мёйрс, 2001, с. 28]. С этим мнением можно частично согласиться, многие статьи и монографии действительно написаны чеканными фразами идеологических брошюр и серьезного интереса не представляют. Исследования промышленных предприятий достаточно редки. В 1962 г. Л. П. Потапов отмечал, что «этнографическое изучение рабочих» в советской науке существенно недооценивается, особенно в сравнении с исследованиями быта колхозников, активно развивающимися с 1950-х гг. [Потапов, 1962, с. 9–10]. В 1967 г. С. А. Токарев указывал, что проблематика индустриального производства «остается почти нетронутой исследованием» [Токарев, 1967, с. 137]. В 1975 г. на Всесоюзной конференции этнографов им будет повторен тезис о недостаточном внимании исследователей к городскому населению.

Можно выделить интересные полевые наблюдения этнографов в сфере промышленности. Так, коммунистические практики на производстве нередко носили символический характер. Например, на литовской текстильной фабрике «Нямунас» в 1961 г. отменили проверку рабочих при выходе с территории предприятия [Даниляускас, 1962, с. 47], вводя в производственные отношения фактор доверия. В качестве редкого примера «экономикоцентричного» исследования эпохи перестройки приведем статью А. Б. Пазова, где обращено внимание на этнический фактор структуры трудовых ресурсов. Авторские изыскания привели к тому, что при, казалось бы, избыточном объеме рабочей силы в Кабардино-Балкарии в реальности промышленное производство имеет небольшой задел для роста, поскольку серьезная доля населения скована традиционным семейно-бытовым укладом, не подразумевающим уход на производство [Пазов, 1988, с. 86–87].

Вопросы планирования экономики ярче всего проявились в исследовании народных промыслов, поскольку эта тема оказалась у этнографов ближе всего к проблематике промышленности. Ключевой темой в данной группе исследований является конфликт между самовыражением творца и плановыми показателями по выпуску типовой продукции. Обследование художественных артелей Украины показало, что мастера остро переживали отсутствие возможности создавать авторские работы, а также навязывание образцов, несвойственных для традиций данной местности, что приводило к уклонению некоторых мастеров от вступления в артель [Бежкович, 1957, с. 44–46]. Важная роль лиц, отвечающих за экономическое планирование, также продемонстрирована на примере процветающего жостовского производства и деградирующего производства нижнетагильских подносов. Фактически в одной территории промысел был признан национальным достоянием, а в другой – пережитком и тратой металла [Рождественская, 1983, с. 12].

Интересно, что материалы этнографов были востребованы советскими плановыми органами. По сведениям Ю. В. Бромлея, этнографы участвовали в планировании снабжения отдельных районов промышленными товарами, помогая Госплану информацией о вкусах и бытовых привычках местного населения, а также участвовали в выработке новых типов жилища, учитывающих национальный колорит [Бромлей, 1983].

Достаточно большой массив составляют исследования, где отражена трансформация потребления домохозяйств (еда, одежда, мебель и т.д.) [Пушкарева, Шмелева, 1958; Ефремова, 1960; Жданко, 1961], однако исследования не содержат анализа экономических практик, в большей степени фиксируют очевидный сдвиг в сторону промышленных товаров. Также переход к социализму должен был, по мысли этнографов, повысить эстетические вкусы потребителей: например, авторы с сожалением отмечали, что литовские рабочие в начале 1960-х гг. все еще пронизаны «мещанским духом» и в быту встречается «безвкусная базарная живопись» [Даниляускас, 1962, с. 46]. Этнографам удавалось зафиксировать порой неожиданные предметы статусного потребления: например, на эстонском острове Кихну таковыми в 1960 г. оказались радиоприемники, которых нередко в домах было сразу два [Калитс, 1961, с. 31]. Впрочем, восприятие инноваций на этом острове было специфическим. Так, в 1957 г. часть населения настроенно отнеслась к электрификации, опасаясь пожаров и несчастных случаев [Там же, с. 27].

Встречаются отдельные интересные наблюдения об экономической справедливости. Так, в Латвии при сселении хуторов в новые колхозные поселки по-разному разрешалась проблема определения места для домов. В одних использовался бригадный принцип (селение членов одной бригады в соседние дома), в других – лучшие места отдавались лучшим производственникам, а в третьих – просто тянули жребий [Терентьева, 1954, с. 81]. К сожалению, подобные антропологические наблюдения занимают лишь фоновое место в работах и редко получают развитие.

Изредка в статьях и монографиях появляется антропология денег. Очевидно, что деньги играли различную роль на разных территориях страны. Если эстонские рыбаки извлекли пользу из стабильных доходов, улучшали быт, смогли выйти из замкнутого круга натурального обмена и взаимозачетов [Калитс, 1961, с. 25], то колхозники-нганасаны на Таймыре, наоборот, страдали от увлечения председателя колхоза денежными, а не натуральными выплатами [Файнберг, 1959, с. 54], поскольку тратить деньги в условиях изоляции Крайнего Севера было особенно не на что.

В 1970-е гг. публикации, посвященные экономическому укладу современных сообществ, практически исчезают со страниц этнографической периодики. Экономическая тематика полностью замещается исследованиями этнических процессов, фольклористикой и физической антропологией, лишь тематика «социалистического образа жизни» (т.е. быта) сохраняла свою силу.

Экономическая антропология реализовалась в рамках социологии города. Описывая модель города как социально-экономической системы, М. В. Борщевский, С. В. Успенский, О. И. Шкаратан указали на необходимость изучения экономического поведения горожан в рамках трудовой и потребительской деятельности. Они делали акцент на проблемах выбора вещей для покупки в пределах городского образа жизни [Борщевский, Успенский, Шкаратан, 1975]. Тему городского потребления продолжали М. Титма и О. Лейбович. О. Л. Лейбович сделал акцент на человеке потребляющем, который стремился быть рациональным и способным к самоорганизации [Лейбович, 2012]. М. Титма пришел к выводу, что потребительские практики в советских городах такие же, как в капиталистических странах [Титма, 1988]. Л. Б. Коган эмпирически подтвердил, что соседская взаимопомощь уходит в прошлое. Он показал растущую роль жилища. Семейное домохозяйство становилось самодовлеющим и приобретало особые рациональные и функциональные связи. Н. Аитов обнаружил специфику местных экономических интересов у населения каждого региона и поселения, эти интересы не совпадали в полной мере с интересами всей страны. На имеющиеся социальные различия между регионами влияет, по мнению Н. Аитова, разница в условиях жизни (уровень жизни, непосредственные возможности всестороннего развития личности, условия, создающие уверенность в завтрашнем дне), социальной структуре, а также в интеллектуальном потенциале населения регионов. Он приходит к выводу, что если в регионе мало производственной интеллигенции и большинство рабочих не учились в ГПТУ, то это крайне негативно скажется на развитии экономики всего региона [Аитов, 1987].

Таким образом, этнографы, исследуя материальную и духовную культуру, не могли пройти мимо экономических вопросов; тенденции, особенности и странности хозяйствования в СССР периодически появляются в статьях и монографиях ученых. Чаще всего это отдельные выводы, мимолетные ремарки, но даже они ценны как результат кропотливого включенного наблюдения современников и очевидцев советской экономической системы. Этнографы работали в рамках

определенного им предметного поля, поэтому в центре их внимания оказывается синтез традиции и новаторства в экономической деятельности. Такое смещение взгляда давало им возможность увидеть архаику, роль социальных институтов лучше, чем экономистам, но рассмотрение шло исключительно через оппозицию «социалистическое – еще не социалистическое». Данное исследование ограничивалось лишь опубликованными материалами этнографических экспедиции, подвергшихся редактуре и выправлению выводов в нужном ключе, подлинное сокровище – дневники экспедиций – еще ждет своего исследователя советской экономики.

Советская экономическая антропология выявила многообразие хозяйственных практик, их эмоционального и смыслового наполнения, неартикулированность представленных в личном и коллективном опыте экономических ориентиров и способов их реализации. В советской действительности не сложился язык для описания стратегий и тактик экономического поведения: люди использовали эвфемизмы, адаптировали к личным нуждам бывшие в ходу идеологемы (например, «рост благосостояния советских граждан»), фигуры умолчания, касающиеся не совсем законных практик производства и потребления. В советском гуманитарном знании были выявлены типические черты экономической антропологии в нерыночном обществе.

Примечания

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№№ 20-04-036) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020–2022 гг.

Библиографический список

- Абашин С.Н.* Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 848 с.
- Абрамзон С.М.* Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия (материалы к изучению быта киргизских рабочих) // Советская этнография. 1954. № 4. С. 58–78.
- Аитов Н.А.* Социальные проблемы ускорения научно-технического прогресса в СССР. М.: Сов. Россия, 1987. 174 с.
- Аннаклычев Ш.* Некоторые стороны быта рабочих-нефтяников Небит-Дага // Советская этнография. 1959. № 1. С. 53–68.
- Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Некоторые черты нового духовного облика современного колхозника (по материалам Калининской области) // Советская этнография. 1962. № 4. С. 23–33.
- Арциховский А., Воробьев Н., Гусев Д., Смирнов С.* Журнал советских этнографов // Коммунист. 1963. № 5. С. 124–127.
- Бежкович А.С.* Об индивидуальном творчестве мастеров украинского народного искусства в артелях художественной промышленности УССР // Советская этнография. 1957. № 2. С. 40–47.
- Борщевский М.В., Успенский С.В., Шкаратан О.И.* Город: методологически проблемы комплексного социального и экономического планирования. М.: Наука, 1975. 204 с.
- Бромлей Ю.В.* Еще раз о соотношении этнической и экономической общностей // Советская этнография. 1972. № 3. С. 86–89.
- Бромлей Ю.В.* О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности // Советская этнография. 1983. № 6. С. 10–23.
- Бромлей Ю.В., Крюков М.В.* Этнография: место в системе наук, школы, метод // Советская этнография. 1987. № 3. С. 45–60.
- Бурдые П.* Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993). М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 416 с.
- Вдовин И.С.* Некоторые данные о современном хозяйстве и культуре чукчей // Советская этнография. 1963. № 1. С. 39–48.
- Григулевич И.Р.* Социальная антропология: есть ли у нее будущее? // Советская этнография. 1975. № 2. С. 37–50.
- Даниляускас А.* К вопросу об изучении культуры и быта литовских рабочих // Советская этнография. 1962. № 5. С. 41–47.
- Джаббаров И.* Обсуждение монографии «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства» в Академии наук Узбекской ССР // Советская этнография. 1955. № 3. С. 162–164.

- Ефремова Л.* Некоторые итоги этнографического изучения колхозников-рыбаков Видземе // Советская этнография. 1960. № 3. С. 65–74.
- Жданко Т.А.* Быт колхозников рыболовецких артелей на островах южного Арала // Советская этнография. 1961. № 5. С. 27–43.
- Заславская Т.И.* Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. // Заславская Т.И. Избранные произведения. Т. 2. М.: Экономика, 2007. 591 с.
- Зборовский Г.Е.* Социология досуга и социология культуры: поиск взаимосвязи // Социологические исследования. 2006. № 12. С. 56–64.
- Калитс В.Я.* Новые черты в быту крестьян острова Кихну // Советская этнография. 1961. № 3. С. 20–33.
- Коган Л.Б.* Урбанизация и некоторые вопросы городской культуры // Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс / отв. ред. О.Н. Яницкий. М.: Наука, 1972.
- Козлов В.И.* Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // Советская этнография. 1970. № 6. С. 47–60.
- Козлова Г.П., Файнбург З.И.* Технический прогресс и изменения в характере труда при переходе от социализма к коммунизму. М., 1963. 23 с.
- Лейбович О.Л.* Социология города в исторической перспективе // Вестник Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Урбанистика. 2012. № 1. С. 142–153.
- Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. М., 1983. 128 с.
- Мёйрс Вим ван.* Советская этнография: охотники или собиратели // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 9–39.
- Морозова А.С.* Опыт изучения рабочего класса Казахстана // Советская этнография. 1962. № 5. С. 17–28.
- Обсуждение статей М.Н. Шмелевой и С.И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований (А.М. Решетов, О.Р. Будина, Г. Н. Симаков, Н.П. Лобачева, Л.Ф. Моногарова, Н.А. Томилов) // Советская этнография. 1985а. № 6. С. 56–72.
- Обсуждение статей М.Н. Шмелевой, С.И. Вайнштейна о проблемах полевых исследований (Г.В. Старовойтова, В.И. Козлов, А.Н. Жилина, Г.Н. Грачева) // Советская этнография. 1985б. № 4. С. 67–77.
- Пазов А.Б.* К проблеме этнических факторов использования трудовых ресурсов // Советская этнография. 1988. № 3. С. 84–88.
- Перишиц А.И.* Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии // Советская этнография. 1983. № 5. С. 59–69.
- Потапов Л.П.* Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов // Советская этнография. 1962. № 2. С. 3–19.
- Пушкарева Л.А., Шмелева М.Н.* Предварительные итоги изучения культуры и быта колхозного крестьянства в Калининской области // Советская этнография. 1958. № 4. С. 106–117.
- Рождественская С.Б.* К вопросу о судьбах художественных промыслов РСФСР (подносный промысел Нижнего Тагила) // Советская этнография. 1960. № 2. С. 136–143.
- Розенфельд А.З.* Таджикоязычное население Советского Бадахшана // Советская этнография. 1963. № 1. С. 118–122.
- Свод этнографических понятий и терминов / отв. ред. А.И. Перишиц, Д.М. Трайде, 1986. 163 с.
- Село Вирятино в прошлом и настоящем / отв. ред. П.И. Кушнер. М., 1958. 279 с.
- Семенов Ю.И.* М. Sahlins. Stone Age economics // Советская этнография. 1974. № 4. С. 168–172.
- Стракач Ю.Б.* Традиции трудового воспитания у народов Таймыра // Советская этнография. 1962. № 3. С. 35–48.
- Сухарева О.А.* Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии // Советская этнография. 1955. № 3. С. 30–42.
- Сухарева О.А., Бикжанова М.А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области. Ташкент, 1955. 219 с.
- Терентьева Л.Н.* К вопросу о переходе от хуторского расселения к колхозным поселкам в Латвийской ССР // Советская этнография. 1954. № 1. С. 63–84.
- Титма М.Х.* Выбор молодежью жизненного пути: (опыт межрегионального социологического исследования) / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права. Минск: Наука и техника, 1988. 157 с.

Токарев С.А. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран // Советская этнография. 1967. № 5. С. 133–142.

Файнберг Л.А. Хозяйство и культура таймырских нганасан (по материалам колхоза имени Шмидта Таймырского национального округа) // Советская этнография. 1959. № 2. С. 47–60.

Шкаратан О.И. Промышленное предприятие: Социологические очерки. М.: Мысль, 1978. 263 с.

Шмелева М.Н. Полевая работа и изучение современности // Советская этнография. 1985. № 3. С. 43–51.

Шмелева М.Н. Некоторые вопросы полевого этнографического исследования современности (ответ участникам дискуссии) // Советская этнография. 1986. № 1. С. 57–61.

Шрадер Х. Экономическая антропология. М., 1999. 192 с.

Юхнева Н.В. Вопросы формирования, положения и облика рабочего класса Петербурга – Ленинграда (заметки этнографа по поводу книги «История рабочих Ленинграда», т. I и II) // Советская этнография. 1974. № 3. С. 156–164.

Ядов В.А., Здравомыслов А.Г. Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект Пресс, 2003. 485 с.

Berliner J.S. Factory and Manager in the USSR. Harvard, 1957. 386 p.

Carrier J.G. Introduction // A Handbook of Economic Anthropology / ed. Carrier James G. 2005. 369 p.

Humphrey C. Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm. Cambridge, 1983. 552 p.

Kornai J. Economics of Shortage. North-Holland, 1980. 631 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.01.2023

ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF THE LATE SOVIET ECONOMY: DIRECTOR, PLANNER, WORKER IN ETHNOGRAPHIC STUDIES FROM THE 1950S TO THE 1980S¹

A. V. Smetanin

Perm State National Research University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia

smetanin.av@gmail.com

SPIN: 6021-8040

ResearcherID: JQI-0860-2023

A. S. Kimerling

National Research University “Higher School of Economics”, Studencheskaya str., 38, 614070, Perm, Russia

akimerling@hse.ru

SPIN: 2793-2113

ResearcherID: M-2389-2015

The anthropological understanding of the Soviet economy began during its existence, drawing from various sciences, including ethnography. The relationship between Soviet ethnography and economic anthropology remains a topic of debate, as there was no consensus on this issue within Soviet science itself. Ethnographic science, for ideological and methodological reasons, did not associate itself with Western anthropology. There was a conscious distancing of ethnography from academic economics, which made it difficult to form economic anthropology in the modern sense. At the same time, from the 1950s to the 1980s, the ethnographers succeeded in uncovering a number of important issues, for example the multi-structural nature of the Soviet economy and the functioning of archaic production practices and relations within the planned economy. Much attention was paid to the consumer behavior of citizens in different parts of the country and the changes in everyday life. Collective values, intended to be strengthened on the path towards communism, were also a focal point. The studies covered the diversity of economic practices, but encountered challenges due to the absence of a language for describing strategies and tactics of economic behavior in Soviet reality. Instead, people used euphemisms, adapted ideologemes, figures of silence relating to certain production and consumption practices that were not entirely legal. The issues of planning, motivation, exchange, perception of economic reality, and informal relations, important for economic anthropology, remained largely unexplored. Moreover, there was a giant bias towards rural residents and archaic practices.

Key words: economic anthropology, ethnography, Soviet science, economy of the USSR, cultural determinant of economic activity, meanings.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the “Research Foundation of the National Research University Higher School of Economics” (NRU HSE) Program in 2020–2022 (project № 20-04-036).

References

- Abashin, S.N. (2015), *Sovetskiy kishlak: mezhdru kolonializmom i modernizatsiey* [Soviet village: between colonialism and modernization], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 848 p.
- Abramzon, S.M. (1954), “Past and present of Kyrgyz miners of Kyzyl-Kiya (materials for studying the life of Kyrgyz workers)”, *Sovetskaya etnografiya*, № 4, pp. 58–78.
- Aitov, N.A. (1987), *Sotsialnye problemy uskoreniya nauchno-tekhnicheskogo progressa v SSSR* [Social problems of accelerating scientific and technological progress in the USSR], Sov. Rossiya, Moscow, USSR, 174 p.
- Annaklychev, Sh. (1959), “Some aspects of life of oil workers in Nebit-Dag”, *Sovetskaya etnografiya*, № 1, pp. 53–68.
- Anokhina, L.A. & M.N. Shmeleva (1962), “Some features of the new spiritual image of the modern collective farmer (based on materials from the Kalinin region)”, *Sovetskaya etnografiya*, № 4, pp. 23–33.
- Artsikhovskiy, A., Vorobyev, N., Gusev, D. & S. Smirnov (1963), “Journal of Soviet ethnographers”, *Kommunist*, № 5, pp. 124–127.
- Berliner, J.S. (1957), *Factory and Manager in the USSR*, Harvard University Press, Harvard, USA, 386 p.
- Bezhkovich, A.S. (1957), “On the individual creativity of masters of Ukrainian folk art in artels of the Ukrainian SSR art industry”, *Sovetskaya etnografiya*, № 2, pp. 40–47.
- Borshchevskiy, M.V., Uspenskiy, S.V. & O.I. Shkaratan (1975), *Gorod: metodologicheskie problemy kompleksnogo sotsialnogo i ekonomicheskogo planirovaniya* [City: methodological problems of comprehensive social and economic planning], Nauka, Moscow, USSR, 204 p.
- Bromley, Yu.V. & M.V. Kryukov (1987), “Ethnography: place in the system of sciences, schools, method”, *Sovetskaya etnografiya*, № 3, pp. 45–60.
- Bromley, Yu.V. (1972), “Once again about the relationship between ethnic and economic communities”, *Sovetskaya etnografiya*, № 3, pp. 86–89.
- Bromley, Yu.V. (1983), “On some urgent tasks of the ethnographic study of modernity”, *Sovetskaya etnografiya*, № 6, pp. 10–23.
- Burdye, P. (2019), *Ekonomicheskaya antropologiya: kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1992–1993)* [Economic anthropology: a course of lectures at the College de France (1992–1993)], Izd. dom «Delo» RANKhiGS, Moscow, Russia, 416 p.
- Carrier, J.G. (2005), *Introduction. A Handbook of Economic Anthropology*, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK, 369 p.
- Danilyauskas, A. (1962), “On the issue of studying the culture and life of Lithuanian workers”, *Sovetskaya etnografiya*, № 5, pp. 41–47.
- “Discussion of articles by M.N. Shmeleva and S.I. Weinstein on the problems of field research (A.M. Reshetov, O.R. Budina, G.N. Simakov, N.P. Lobacheva, L.F. Monogarova, N.A. Tomilov)” (1985a), *Sovetskaya etnografiya*, № 6, pp. 56–72.
- “Discussion of articles by M.N. Shmeleva, S.I. Weinstein on the problems of field research (G.V. Starovoitova, V.I. Kozlov, A.N. Zhilina, G.N. Gracheva)” (1985b), *Sovetskaya etnografiya*, № 4, pp. 67–77.
- Dzhabbarov, I. (1955), “Discussion of the monograph “Culture and Life of the Tajik Collective Farm Peasantry” at the Academy of Sciences of the Uzbek SSR”, *Sovetskaya etnografiya*, № 3, pp. 162–164.
- Efremova, L. (1960), “Some results of the ethnographic study of collective farmers-fishermen of Vidzeme”, *Sovetskaya etnografiya*, № 3, pp. 65–74.
- Faynberg, L.A. (1959), “Economy and culture of the Taimyr Nganasans (based on materials from the Schmidt collective farm of the Taimyr National District)”, *Sovetskaya etnografiya*, № 2, pp. 47–60.
- Grigulevich, I.R. (1975), “Social anthropology: does it have a future?”, *Sovetskaya etnografiya*, № 2, pp. 37–50.
- Humphrey C. (1983), *Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 552 p.
- Kalits, V.Ya. (1961), “New features in the life of peasants on the island of Kihnu”, *Sovetskaya etnografiya*, № 3, pp. 20–33.
- Kogan, L.B. (1972), *Urbanizatsiya i nekotorye voprosy gorodskoy kultury* [Urbanization and some issues of urban culture], Nauka, Moscow, USSR, 174 p.
- Kornai, J. (1980), *Economics of Shortage*, North-Holland Pub. Co, Amsterdam, Netherlands, 631 p.
- Kozlov, V.I. (1970), “Ethnicity and economics. Ethnic and economic communities”, *Sovetskaya etnografiya*, № 6, pp. 47–60.
- Kozlova, G.P. & Z.I. Faynburg (1963), *Tekhnicheskii progress i izmeneniya v kharaktere truda pri perekhode ot sotsializma k kommunizmu* [Technical progress and changes in the nature of labor during the transition from socialism to communism], Institut ekonomiki AN SSSR, Moscow, USSR, 23 p.

- Kushner, P.I. (ed.) (1958), *Selo Viryatino v proshlom i nastoyashchem* [The village of Viryatino in the past and present], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR, 279 p.
- Leybovich, O.L. (2012), "Sociology of the city in historical perspective", *Vestnik Perm. nats. issled. politekhn. un-ta. Urbanistika*, № 1, pp. 142–153.
- Materialy Plenuma Tsentralnogo Komiteta KPSS* (1983) [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU], Politizdat, Moscow, USSR, pp. 6, 19, 32–33.
- Meirs, Vim van. (2001), "Soviet ethnography: hunters or gatherers", *Ab Imperio*, № 3, pp. 9–39.
- Morozova, A.S. (1962), "Experience in studying the working class of Kazakhstan", *Sovetskaya etnografiya*, № 5, pp. 17–28.
- Pazov, A.B. (1988), "On the problem of ethnic factors in the use of labor resources", *Sovetskaya etnografiya*, № 3, pp. 84–88.
- Pershits, A.I. & D.M. Trayde (eds.) (1986), *Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov* [Code of ethnographic concepts and terms], Nauka, Moscow, USSR, 163 p.
- Pershits, A.I. (1983), "Socio-economic terminology in the conceptual apparatus of ethnography", *Sovetskaya etnografiya*, № 5, pp. 59–69.
- Potapov, L.P. (1962), "Ethnographic study of socialist culture and life of peoples", *Sovetskaya etnografiya*, № 2, pp. 3–19.
- Pushkareva, L.A. & M.N. Shmeleva (1958), "Preliminary results of studying the culture and life of the collective farm peasantry in the Kalinin region", *Sovetskaya etnografiya*, № 4, pp. 106–117.
- Rozenfeld, A.Z. (1963), "Tajik-speaking population of Soviet Badakhshan", *Sovetskaya etnografiya*, № 1, pp. 118–122.
- Rozhdestvenskaya, S.B. (1960), "On the question of the fate of artistic crafts of the RSFSR (tray craft of Nizhny Tagil)", *Sovetskaya etnografiya*, № 2, pp. 136–143.
- Semenov, Yu.I. (1974), "Sahlins. Stone Age economics", *Sovetskaya etnografiya*, № 4, Moscow, USSR, pp. 168–172.
- Shkaratan, O.I. (1978), *Promyshlennoe predpriyatie: Sotsiologicheskie ocherki* [Industrial enterprise: Sociological essays], Mysl, Moscow, USSR, 263 p.
- Shmeleva, M.N. (1985), "Field work and the study of modernity", *Sovetskaya etnografiya*, № 3, pp. 43–51.
- Shmeleva, M.N. (1986), "Some questions of field ethnographic research of modern times (answer to discussion participants)", *Sovetskaya etnografiya*, № 1, pp. 57–61.
- Shrader, Kh. (1999), *Ekonomicheskaya antropologiya* [Economic anthropology], Peterburgskoe Vostokovedenie, Moscow, Russia, 192 p.
- Strakach, Yu.B. (1962), "Traditions of labor education among the peoples of Taimyr", *Sovetskaya etnografiya*, № 3, pp. 35–48.
- Sukhareva, O.A. & M.A. Bikzhanova (1955), *Proshloe i nastoyashchee seleniya Aykyran. Opyt etnograficheskogo izucheniya kolkhoza im. Stalina Chartakskogo rayona Namanganskoy oblasti* [Past and present of the village of Aykyran. Experience of ethnographic study of the collective farm named after. Stalin, Chartak district, Namangan region. Tashkent], Izdatel'stvo Akademii nauk Uzbekskoy SSR, Tashkent, USSR, 219 p.
- Sukhareva, O.A. (1955), "Ethnographic study of the collective farm peasantry of Central Asia", *Sovetskaya etnografiya*, № 3, pp. 30–42.
- Terentyeva, L.N. (1954), "On the issue of the transition from farm settlement to collective farm settlements in the Latvian SSR", *Sovetskaya etnografiya*, № 1, pp. 63–84.
- Titus, M.Kh. (1988), *Vybor molodezhyu zhiznennogo puti: (opyt mezhregionalnogo sotsiologicheskogo issledovaniya)* [The choice of a life path by young people: (experience of interregional sociological research)], Akad. nauk Belarus. SSR, In-t filosofii i prava, Nauka i tekhnika, Minsk, USSR, 157 p.
- Tokarev, S.A. (1967), "On the tasks of ethnographic study of the peoples of industrial countries", *Sovetskaya etnografiya*, № 5, pp. 133–142.
- Vdovin, I.S. (1963), "Some data on the modern economy and culture of the Chukchi", *Sovetskaya etnografiya*, № 1, pp. 39–48.
- Yadov, V.A. & A.G. Zdravomyslov (2003), *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and his work in the USSR and after], Aspekt Press, Moscow, Russia, 485 p.
- Yukhneva, N.V. (1974), "Questions of the formation, position and appearance of the working class of St. Petersburg – Leningrad (ethnographer's notes on the book "History of the Workers of Leningrad", vols. I and II)", *Sovetskaya etnografiya*, № 3, pp. 156–164.
- Zaslavskaya, T.I. (2007), "Transformation process in Russia: in search of a new methodology", in *Izbrannye proizvedeniya* [Selected writings], vol. 2, Ekonomika, Moscow, Russia, 591 p.
- Zborovskiy, G.E. (2006), "Sociology of leisure and sociology of culture: search for interrelation", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, № 12, pp. 56–64.
- Zhdanko, T.A. (1961), "Life of collective farmers of fishing cooperatives on the islands of the southern Aral", in *Sovetskaya etnografiya*, № 5, pp. 27–43.